

ДВЕ ПЕСНИ О ХОККЕИСТАХ: АНЧАРОВ И ВЫСОЦКИЙ

© 2025

А.В. Кулагин

Кулагин Анатолий Валентинович, SPIN-код: 1885-4061, ORCID: 0000-0001-5494-61-58, доктор филологических наук, доцент, профессор, Государственный социально-гуманитарный университет (Российская Федерация, 140411, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30), kula-mariya@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 12.05.2025

Статья принята к публикации: 20.05.2025

В статье предложен сравнительный анализ двух авторских песен на общую хоккейную тему: «Песни о хоккеистах» Михаила Анчарова (1964; датировка уточняется в статье) и песни «Профессионалы» Владимира Высоцкого (1967). Песня Анчарова, писавшаяся на заказ для фильма «Хоккеисты» и не вошедшая в него, отличается сложной для кинематографа мифопоэтической образностью и общечеловеческим содержанием, выводящим её за рамки хоккейной темы и содержания фильма. Это могло стать одной из причин её отсутствия в кинокартине. Анчаров, полушутя называвший себя «одописцем», воспекает высокий дух хоккейной игры. Песня Высоцкого, необычайно интересная с точки зрения стиховедения и языка (виртуозная рифмовка, каламбуры), напротив, содержит в себе сатирические мотивы (в адрес канадских игроков) и иронические аллюзии (в адрес советской околоспортивной пропаганды). Она может быть отнесена к жанру стихотворного фельетона. Вместе взятые, два произведения дополняют друг друга и создают объёмную поэтическую картину хоккейной игры. На основе текстуальных переключек высказывается предположение о том, что Высоцкий, как бард испытавший во второй половине 1960-х годов сильное творческое влияние Анчарова, знал песню своего старшего коллеги и мог ориентироваться на неё при написании своей песни.

Ключевые слова: Анчаров, Высоцкий, авторская песня, хоккей, ода, фельетон, мифопоэтика, реминисценция.

1960-е годы были временем больших успехов советского хоккея с шайбой: начиная с 1963 года сборная СССР девять раз подряд становилась чемпионом мира. На этой победной волне в области авторской песни появились два произведения о хоккее. Первое из них — «Песня о хоккеистах» Михаила Анчарова; вторая — «Профессионалы»

Владимира Высоцкого. Нам представляется, что общая тематика, общая песенная природа, известное влияние, которое оказал старший бард на младшего, всеобщий интерес к хоккею, характерный для тех лет, – всё это позволяет поставить вопрос о соотношении этих песен, попытаться увидеть через их призму, может быть, и более глубокие вещи в самом соотношении «Анчаров – Высоцкий».

«Песня о хоккеистах» М. Анчарова

Начнём с песни Анчарова как более ранней. Со слов самого поэта известно, с какой целью она создавалась и как складывалась её судьба: «...песня “Хоккеисты” мне не вполне нравится <...> Так она вроде образная, и всё такое, но где-то не до конца моя, потому что её меня попросили написать. <...> Я как-то развернулся, раскрутился. В фильм “Хоккеисты” (был такой фильм, но эта песня не пошла). С композитором что-то очень долго спорили, он никак не мог... Ну, так он говорил, по крайней мере: его музыка в ритм не укладывается. А практически у него просто уже сложился какой-то музыкальный рисунок, и текст в него не лез. И поэтому я просто забрал этот стих. А всё-таки я знал, про что пишу с самого начала. Всё-таки знал. Поэтому она немножко такая, грузноватая, по стиху...» [Анчаров 2023, с. 317].

Речь идёт о фильме «Хоккеисты» (1964) режиссёра Рафаила Гольдина по сценарию Юрия Трифонова. Любопытно, что здесь соприкоснулись творческие судьбы двух писателей, почти ровесников, младший из которых, Трифонов, был уже известен, но своих главных книг ещё не написал.

Но нужно сказать о датировке песни. В изданиях сочинений Анчарова она отнесена к 1963 году [Анчаров 2001, с. 56–57]. Между тем датировку можно уточнить. В черновом автографе песни, с которым мы ознакомились благодаря В.Ш. Юровскому, исследователю творчества поэта, читаем: «Мчит от Инсбрука до Гренобля // Дружба наших богатырей». Инсбрук и Гренобль – города, где проводились игры зимней Олимпиады соответственно 1964 и 1968 года. О том, что Олимпиада 68-го года состоится в Гренобле, стало известно после заседания сессии Международного олимпийского комитета, состоявшейся в Инсбруке накануне Игр, 28 января 1964 года [Ермаков, Меньшиков 1964, с. 4]. Это значит, что песня пишется не ранее данной

даты, а если учесть, что первая точно датированная магнитофонная запись её сделана, по сведениям В.Ш. Юровского, 20 сентября 1964 года, то и датировать написание песни нужно 1964 годом.

Картина «Хоккеисты» вышла в итоге с песней Л. Афанасьева на стихи С. Гребенникова и Н. Добронравова «Синий лёд» в исполнении Льва Барашкова. Приведённый выше автокомментарий Анчарова к песне объясняет причину отсутствия её в фильме тем, что у композитора уже сложилось своё творческое решение песни, в которое анчаровские стихи не вписывались ритмически. Использовать же в фильме мелодию самого Анчарова, видимо, не предполагалось; с такой ситуацией поэт сталкивался не раз. Но только ли в этом было дело? Обратим внимание на фразу «А всё-таки я знал, что пишу...» и на прилагательное «грузноватая». Что это может означать?

Зачин песни соответствует сюжетной коллизии фильма: «В тридцать лет мы теряем скорость. // Но когда говорят: “Вперёд!” – // Мы прогоним старость и хворость, // Словно шайбу от наших ворот» [Анчаров 2001, с. 56]. Мотив возраста прозвучит и в финале песни: «Мы спасаем весну – хоккеисты, // *Ветераны* большого льда». В фильме тройка нападающих-ветеранов, вопреки циничному скепсису тренера, доказывает свою спортивную состоятельность, спасая в последний момент решающую игру чемпионата страны (в этом смысле позитивный исход фильма вполне «по-советски» предсказуем; зритель изначально понимает, что так и будет, и изначально понимает, «кто плохой, кто хороший»). Так что поэт применительно к сюжету фильма весьма точен (чего не скажешь о песне «Синий лёд» – песне просто о хоккее, о хоккее вообще; правда, в той песне звучит любовный мотив, важный в фильме, но у Анчарова отсутствующий).

Однако стих «Мы прогоним старость и хворость» уже отчасти «перегружает» тему: всё-таки до «старости и хворости» тридцатилетним игрокам далековато (хотя в фильме одного из хоккеистов отвозят во время матча в больницу, но это потому, что тренер в погоне за результатом сильно перегрузил его, как перегрузил и почти всю команду). А значит, тема наполняется уже не столько спортивным, сколько общечеловеческим содержанием. В таком же духе может быть воспринят и «планетарный» мотив в следующем четверостишии: «Двое в штрафе, трое – в погоне – // Мир не видел таких погонь». На такой масштаб фильм рассчитан, конечно, не был.

Дальше – больше. В песне, в соответствии с уже намеченным расширением масштаба темы, появляется мифопоэтическая образность (ещё раз процитируем автокомментарий: «Так она вроде образная...»): «Мы врываемся в зону лавиной, // В рай ворота себе отворя. // На воротах с мордую львиной – // Маска адская вратаря». Здесь становится уже очевидно, что для песни на заказ этот текст сложен и что худсовет киностудии вряд ли пропустил бы стихи с мотивамирая и ада в том смелом смысловом контексте, который здесь заявлен. Дескать, в какой такой рай у вас устремляются наши замечательные советские хоккеисты? Противник их хотя и ведёт себя в фильме не всегда корректно, применяет запрещённые приёмы, но всё же это тоже наши, советские, игроки, зачем же вы называете маску вратаря адской? Да и слово «морда» (пусть даже она «львиная») стилистически тоже как-то нежелательно, хотя и понятно, что относится оно к маске противника... Что касается мотиварая, то благодаря ему «Песня о хоккеистах» перекликается с написанной Анчаровым в том же 1964-м году «Балладой о парашютах» – одной из самых значимых у него, своеобразной визитной карточкой мастера. Напомним: «И сказал Господь: / – Эй, ключари, // Отворите ворота в Сад! // Даю команду – / От зари до зари // В рай пропускать десант» [Анчаров 2001, с. 63].

Возникает ощущение, что поэт, хотя и старается выполнить сюжетное задание, пишет на его основе оригинальную, именно *анчаровскую*, авторскую песню. Песня для фильма должна была быть близка к песне эстрадной, где авторская индивидуальность нивелируется в пользу нейтрального, «всеобщего», где не должно быть смелых, оригинальных поэтических решений, стилевых вольностей и проч. Именно такова прозвучавшая в фильме песня «Синий лёд» («Чистый лёд, в жарких схватках раскалённый лёд. Парни в шлемах, словно пять ракет, летят вперёд, чтоб у чужих ворот зажечь победы свет» (цит. по фонограмме фильма)). Но здесь всё как раз иначе. Дальнейший текст такое ощущение подтверждает. Вновь звучит неуместный применительно к самой хоккейной теме, но акцентирующий опять же общечеловеческое звучание песни мотив смерти («Мы врываемся как из пушки. // Смерть, и та отступает, дрожа...»). Развивается тема хоккейной игры как тема ни много ни мало мироздания: «Впереди созвез-

дий короны, // Позади корысть и века». Созвездия и века – вот уровень, на который поднимает игру Анчаров. Здесь, кстати, появляется очень удачно обыгранное название реальной – и очень популярной в те годы – хоккейной команды: «Мы бескровной войны чемпионы, // Гладиаторы “Спартака”». *Гладиаторы «Спартака»* уподоблены *гладиаторам эпохи Спартака*; отсылка к античности поневоле усиливает мифопоэтику песни (хотя название реальной команды могло по своему помешать использованию песни в фильме, где команда называлась иначе; в этом смысле Гребенников и Добронравов оказались точнее: их сравнение «словно пять ракет» соответствует названию команды в фильме – «Ракета»). Ассоциация с гладиаторами подкрепляется и мотивом *маски адской вратаря с мордой львиной*. Ну и финал песни, апофеоз: «Расступается мрак, неистов, // Манит вдаль победы звезда. // Мы спасаем весну – хоккеисты, // Ветераны большого льда». «Бескровная война» спорта, жизни, весны с мраком, корыстью, смертью завершается победой светлых сил. Здесь Анчаров, кстати, как бы делает заявку на ещё одну свою будущую программную песню – «Большую апрельскую балладу» (1965): «Нас ласкала в пути / Ледяная земля, // Но мы, / Забывая про годы, // Проползали на брюхе / По минным полям, // Для весны прорубая / Проходы...» [Анчаров 2001, с. 77].

Потому и назвал Анчаров свою песню «грузноватой», что её поэтическое содержание явно перевешивало режиссёрское задание. Сам поэт в автокомментариях к песне говорил: «Это песня про хоккеистов, но не только про хоккеистов» (из архива В.Ш. Юровского; ср., кстати, с признанием Высоцкого: «...по-моему, все мои спортивные песни имеют отношение и к спорту, и не к спорту» [Крылов, Кулагин 2010, с. 259]). Возможно, это почувствовал и композитор, о разногласиях с которым вспоминает поэт, и, возможно (скажем теперь ещё раз), дело тут было не только в том, совпадают или не совпадают ритмически стихи и мелодия.

Анчаров однажды полусерьёзно назвал себя «по натуре одописцем» и всерьёз пояснил: «Сатиру писать – не очень моё <...>. Негативным фактам – они есть в жизни – хочется противопоставить добро» [Юровский 2025, с. 284]. Нам кажется, что «Песня о хоккеистах», с её позитивным, жизнеутверждающим пафосом, и есть своеобразная ода, хотя понимать это жанровое обозначение слишком буквально, конечно, не

нужно. Думается, В.И. Козлов, автор специальной статьи об одической традиции в современной поэзии [Козлов 2024], несколько переоценивает саму жанровую нормативность в условиях двадцать первого века. Наверное, точнее было бы говорить об отдельных одических мотивах.

«Профессионалы» В. Высоцкого

Другой же герой нашей статьи – Высоцкий – имел иной характер таланта, и, хотя к «высокой» ноте был способен и он (достаточно вспомнить, например, песни для фильма «Стрелы Робин Гуда»), всё же удельный вес сатиры в его творчестве заметно выше, чем в творчестве Анчарова. Это ощущается и в песне «Профессионалы» (1967), написанной после победы сборной СССР над сборной Канады в решающем матче чемпионата мира, принесшей советской команде золотые медали. Песня уже довольно подробно прокомментирована [Цыбульский 2004, с. 518–520; Крылов, Кулагин 2010, с. 111–113], что избавляет нас от необходимости пояснять здесь хоккейные реалии того поединка и того чемпионата. Важнее теперь присмотреться к жанрово-поэтической природе этой песни.

Если подыскивать к песне Высоцкого жанровое определение, то мы предложили бы назвать её фельетоном. У фельетона должен быть адресат. Согласно одному из новейших справочников, под фельетоном будем понимать «художественно-публицистическое произведение сатирической направленности», занимающее «промежуточное положение между газетной или журнальной статьёй и малыми жанрами художественной прозы <...> и поэзии (стихотворный Ф.)» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, стлб. 1132].

Есть ли у песни требуемая жанром фельетона сатирическая направленность? Думается, что есть, и располагается она, на наш взгляд, на двух смысловых уровнях. Прежде всего – в песне в комическом ключе предстаёт канадская сборная, которую поделом обыграла советская команда. Здесь важен мотив стиля игры. Канадцы демонстрировали обычно силовой хоккей, но в венском матче они столкнулись с достойным в этом смысле отпором со стороны советских игроков – Рагулина, Старшинова и других. Канадец Бревэр (Брюэр) весь третий период играл, по выражению поэта, «заклеенным в две полосы», а точнее, в четыре, потому что по наклейке крест-

накрест у него было и над глазом, и на щеке. Конечно, поэт не упустил возможность посмеяться над этим обстоятельством (в черновике насмешка была более резкой: «Жалеет очень и окривел» [Владимир Высоцкий 2012, с. 116]), как и над тем, что один из канадских тренеров, Бауэр, тренер и священник одновременно, водил своих игроков на церковную службу: «Молились строем – не помогло» [Высоцкий 1991, т. 1, с. 164]. Здесь «антиклерикальный» пафос песни вписался в общую антирелигиозную атмосферу советского общества. Напомним, что в том же 1967 году бард травестийно пошутил над евангельским эпизодом Благовещения («Песня про плотника Иосифа...»).

«Антиканадский» комический эффект достигается и за счёт сниженной лексики, позволяющей показать западных игроков глазами рядового, демократичного любителя хоккейной игры (впрочем, к этой непростой фигуре мы сейчас вернёмся), пользующегося фразеологизмами и – как бы поневоле – каламбурами: «зарплата навалом», «плевать, что на лёд они зубы плюют», «деньжищи – огромные тыщи», «бьёт в зуб ногой и – ни в зуб ногой», «и вместо клюшки идёт с клюшкой», «чёрт с ним», «не оплошай», «мордобой», «шпана», «ихний», «слабó»... Комизм этой лексики усиливается за счёт соседства с канцеляризмами: «в итоге», «принято», «представитель», «банковский счёт». Оценим, далее, оригинальную рифмовку: «плюют – ничью»; «недавно – главный»; «представитель – спросите»; «лиге – интриге»; к слову «профессионалы (профессионалам)» вообще подобраны пять разных рифм, в каждом новом куплете – своя («навалом», «малым», «криминалом», «Монреале», «каналам»). Есть в песне и очень сложные составные внутренние рифмы, требующие порой неожиданного синтаксического решения: «Игрок хитёр – пусть / берёт на корпус»; «Как будто мёртвый / лежит партнёр твой, – / И ладно, чёрт с ним...»; «Не оплошай, бык, – / бог хочет шайбы»; «Сперва распластан, / а после – пластырь... // А ихний пастор...»; «Он перед боем / знал, что слабó им, – / Молились строем...» Как видим, в некоторых случаях внутренняя рифма даже переходит в следующий стих. Черновой автограф песни показывает, что Высоцкий добивался оригинальной рифмовки сознательно. Поначалу было: «Не прозевай бык бог хочет шайбы»; затем слово «прозевай» поэт заменил на «оплошай» [Владимир Высоцкий 2012, с. 116].

Однако Высоцкий не был бы Высоцким, если бы писал поэтический фельетон по поводу только канадских хоккеистов и никак не коснулся проблем отечественных. В этом случае чем бы принципиально отличалось его сочинение от фельетонов, скажем, в журнале «Крокодил», всячески обличавших западный образ жизни? К концу песни приоткрывается её второе дно. Во-первых, обратим внимание на стихи: «А наши ребята / за ту же зарплату // Уже пятикратно уходят вперёд!». Здесь обнаруживается интересная двусмысленность. С одной стороны, советские спортсмены-«любители» обязательно где-то — в армии (ЦСКА), в милиции («Динамо»), на автозаводе («Торпедо») и так далее — числились и даже, может быть, получали там «ту же зарплату». Но все прекрасно понимали, что это формальность, что в реальности игроки были профессионалами, а иначе заниматься спортом на таком уровне и невозможно. Но, с другой стороны, советские реальные профессионалы хотя и имели по советским меркам неплохой материальный достаток, всё же не могли по причине государственной монополии на всё, в том числе и на хоккейных игроков, сравниться по этому достатку с высокооплачиваемыми западными спортсменами, жившими по законам рынка. Так что в упоминании поэтом «зарплаты» нам слышится ирония в адрес советской околоспортивной идеологии, не совпадающей, как обычно было в жизни (и как обычно это ощущалось в поэзии Высоцкого), с реальной действительностью. Во-вторых, в финальном стихе упоминается другая игра: «А футболисты — до лучших дней!». Менее чем за год до победного хоккейного чемпионата 1967 года, в июле 1966-го, в Англии состоялся очередной чемпионат мира по футболу, в котором сборная СССР заняла четвёртое место, уступив в матче за третье место команде Португалии со счётом 1:2. На фоне ежегодных хоккейных побед это воспринималось болельщиками как неудача. И Высоцкий не удержался, чтобы не добавить ложку футбольного дёгтя в бочку хоккейного мёда.

И ещё. Лирический герой песни Высоцкого, внешне как будто выражающий «советский» взгляд на хоккей, совпадающий с тогдашней спортивной пропагандой, которая разделяла «правильный» мир советского спорта и «неправильный» мир спорта западного, — так вот, лирический герой этой песни сам являет собой фигуру комическую, в

какой-то мере сатирическую. Ведь он выражает обывательское сознание, прежде отозвавшееся у Высоцкого в «Песне завистника» (1965), а позже – в песне «Смотрины» (1973). Напомним первую из них: «Ему, значит, – рупь, а мне – пятак?! // Пусть теперь мне платит неустойку! Я ведь не из зависти, я так – // Ради справедливости, и только» [Высоцкий 1991, т. 1, с. 111]. И вторую: «Там у соседа – пир горой, // И гость солидный, налитой <...> А у меня сплошные передряги...» [Высоцкий 1991, т. 1, с. 438]. Так вот, лирический герой песни «Профессионалы» полагает, что «огромные тыщи» канадским игрокам платят незаслуженно: во-первых, потому, что платят «даже за проигрыш, и за ничью»; во-вторых, потому, что игрок, покалечив ноги, «вместо клюшки идёт с клюкой», то есть уже не может играть; в-третьих, платят несмотря на то, что у профессионалов «игра – лотерея, – кому повезёт»; в-четвёртых, уж совсем несправедливо, что им «судья криминалом ни бокс не считает, ни злой мордобой» и они «в своём Монреале... разбивают друг другу носы». В общем, с какой стороны ни глянь – нашему герою, по образцу героя «Песни завистника», «больно и обидно», что эти «тыщи» канадцы получают ни за что. Так фельетонное перо поэта целится в примитивное сознание обывателя, напоминая, может быть, о некоторых героях Маяковского или Зощенко.

Добавим ещё, что Высоцкий включил в песню характерный для его творчества первых лет «криминальный» мотив: «Профессионалам / судья криминалом // Ни бокс не считает, ни злой мордобой, – // И с ними лет двадцать / кто мог потягаться – // Как школьнику драться с отборной шпаной?!». Во-первых, двусмысленно звучит слово «судья», имеющее отношение как к спорту, так и (прежде всего) к судопроизводству; напомним, например: «На суде судья сказал: “Двадцать пять! До встречи!”» [Высоцкий 1991, т. 1, с. 44]. Сравнение с «отборной шпаной» вызывает ассоциации с дворовой жизнью послевоенных лет, память о которых у поколения Высоцкого была жива и в творчестве самого барда отзывалась многократно («Баллада о детстве» и др.). Наконец, об «уличном» фольклоре напоминает строфика песни «Профессионалы». Р.Ш. Абельская отмечает использование Высоцким «в преображённом виде» в песне «Памятник» (1973) «классической блатной строфы» – шестистишия, в котором «рифмуются

третья и шестая строки, рифмовка остальных является окказиональной» [Абельская 2018, с. 119]. Такой тип строфы прежде был использован поэтом неоднократно, в том числе в песнях «уголовного» содержания – «У тебя глаза как нож», «Я в деле», «Всё позади – и КПЗ, и суд...» (1962–1963) и др., а незадолго до «Профессионалов» – в «Марше космических негодяев» (1966), в первоначальном варианте которого тюремный мотив тоже звучал: «Вместо сурдокамер знали тюрем тишину» [Высоцкий 1991, т. 1, с. 598]. Аналогично построена строфа и в песне о хоккее, отчего «низкая», близкая к «улично-уголовной», трактовка темы усугубляется.

Так два барда – Анчаров и Высоцкий – создали объёмную, разноплановую картину популярной в 60-е годы игры, показав её в разных ракурсах. На хоккейном поле как бы встретились ода и фельетон. «Высокая» иносказательность анчаровской песни дополнилась «низкой» картиной с подтекстом в песне Высоцкого. Высоцкий песню Анчарова, скорее всего, слышал: в пользу этого говорит отмеченная нами в своё время реминисценция из неё в песне Высоцкого «Пожары». Напомним: «Мир не видел таких погонь» (Анчаров) – «Ещё не видел свет подобного аллюра» [Высоцкий 1991, т. 1, с. 565; Кулагин 2002, с. 62]. Но в пользу этого говорит и перекличка с «Хоккеистами» Анчарова и в самой песне «Профессионалы» – сравнение спортсменов с гладиаторами/матадорами (римские гладиаторы сражались, как известно, не только с бойцами, но и с дикими животными): «Мы бескровной войны чемпионы, // Гладиаторы “Спартака”» (Анчаров) – «Играют с партнёром – / как бык с матадором»; «Не оплошай, бык, – / бог хочет шайбы, // Бог на трибуне – он не простит!» (Высоцкий). Заметим кстати, что осовремененные по законам трагедии гладиаторы появятся у Высоцкого позже в песне «Семейные дела в Древнем Риме» (1969): «Так и шастает с билетами // На приезжих гладиаторов!» [Высоцкий 1991, т. 1, с. 272]. Сама же возможность использовать в песне «приземлённый» образ причастного к земным делам бога у Высоцкого тоже может идти от Анчарова, от его уже упоминавшейся нами «Баллады о парашютах», где Господь (проецируем ещё раз) даёт «команду... в рай пропускать десант» [Анча-

ров 2001, с. 63]. Так что не будем исключать возможность сознательного поэтического (может быть, в каком-то смысле даже и полемического) диалога автора песни «Профессионалы» с автором «Песни о хоккеистах».

Источники

Анчаров 2023 – Анчаров М.Л. Песня рождается «в горле» / Из беседы с М. Барановым (при участии А. Крылова) // Михаил Анчаров: исследования и материалы / Сост. А.В. Кулагин, В.Ш. Юровский. М., 2023. С. 313–336.

Анчаров 2001 – Анчаров М.Л. Сочинения / Сост. В.Ш. Юровский. М., 2001.

Владимир Высоцкий 2012 – Владимир Высоцкий. Архивы рассказывают. Вып. 2 / Сост. Ю.В. Гуров и др. Новосибирск, 2012.

Высоцкий 1991 – Высоцкий В.С. Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Е. Крылова. М., 1991.

Ермаков, Меньшиков 1964 – Ермаков В., Меньшиков В. Перед стартом // Правда. 1964. № 29. 29 янв. С. 4.

Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001 – Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001.

Юровский 2025 – Юровский В.Ш. «В собрание сочинений я бы это не включал...»: О годах общения с Михаилом Анчаровым // Миры Андрея Крылова: Юб. сб. статей и материалов об авторской песне / Сост. А.В. Кулагин, В.Ш. Юровский. М., 2025. С. 271–288.

Литература

Абельская 2018 – Абельская Р.Ш. «Памятник» В. Высоцкого: высокие поэтические образы средствами «уличной» поэтики // «Как он дышит, так и пишет»: [Сб. статей] / Отв. ред. В.А. Викторovich. Коломна, 2018. С. 111–121.

Козлов 2024 – Козлов В.И. Жанр скорее жив: Ода в современной русской поэзии // Вопросы литературы. 2024. № 5. С. 40–60

Крылов, Кулагин 2010 – Крылов А.Е., Кулагин А.В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Коммент. к песням поэта. М., 2010.

Кулагин 2002 – Кулагин А. Высоцкий слушает Анчарова // Кулагин А. Высоцкий и другие: Сб. статей. М., 2002. С. 52–64.

Цыбульский 2004 – Цыбульский М. Кто такой «ихний пастор», или Почему канадец спиной прыгал // Цыбульский М. Жизнь и путешествия В. Высоцкого. Ростов-на-Дону, 2004.

TWO SONGS ABOUT HOCKEY PLAYERS: ANCHAROV AND VYSOTSKY

A.V. Kulagin

State Social and Humanitarian University

This article presents a comparative analysis of two original songs on a common hockey theme: "Songs about Hockey Players" by Mikhail Ancharov (1964; the dating is specified in the article) and "Professionals" by Vladimir Vysotsky (1967). Ancharov's song, written on commission for the film "Hockey Players" but ultimately not included in it, features a complex mythopoetic imagery that transcends the cinematic context and the hockey theme, offering universal human content. This may have contributed to its exclusion from the film. Ancharov, who humorously referred to himself as an "ode-writer," celebrates the high spirit of the hockey game. In contrast, Vysotsky's song, which is extraordinarily interesting from the perspective of poetics and language (with its virtuosic rhyming and puns), contains satirical motifs directed at Canadian players and ironic allusions to Soviet sports propaganda. It can be classified as a poetic feuilleton. Together, these two works complement each other and create a rich poetic picture of the hockey game. Based on textual echoes, it is suggested that Vysotsky, as a bard who experienced significant creative influence from Ancharov in the second half of the 1960s, was aware of his older colleague's song and may have drawn inspiration from it when writing his own.

Keywords: Ancharov, Vysotsky, singer-songwriter song, hockey, ode, feuilleton, mythopoetics, reminiscence.